

П. ДИНЕКОВ

Из истории русско-болгарских литературных связей XVI—XVIII вв.*

Многовековая история русско-болгарских литературных связей богата своими замечательными проявлениями: широкое проникновение древне-болгарских литературных памятников в Киевскую Русь и роль, которую они играли в развитии древнерусской литературы XI—XII вв.; второе южнославянское влияние в России в XIV—XV вв., огромное воздействие, оказанное русской литературой на развитие новой болгарской литературы в XIX и XX вв. Хотя проблеме русско-болгарских литературных отношений посвящено очень много исследований, однако отдельные моменты до сих пор остаются недостаточно изученными.¹ Особенно слабо исследованы некоторые вопросы русско-болгарских литературных связей XVI—XVIII вв.

I

В русской литературе известно сочинение под заглавием «Мучение святого и славного великомученика христова Георгия Новаго, мучившагося в Средце граде блъгарстемъ». А. И. Яцимирский отмечает 15 списков этого сочинения, самый ранний из которых относится к 1552 г. Это житие известно в двух редакциях, причем вторая, как пишет А. И. Яцимирский, представляет собой риторическое распространение первой. В Макарьевских минеях помещены обе редакции. Я. И. Яцимирский опубликовал самый древний список жития 1552 г. (молдавская рукопись, тырновская редакция).²

В конце жития мы читаем: «И написано бысть мучение и подвизи в славном граде Пскове великия Русиа благословениемъ и повелениемъ святейшаго архиепископа Макария богоспасаемых градовъ Великаго Новъграда и Пскова, в лето 7047 (1539). А писал смиренный мнихъ и презвитерь Илия». ³ Во введении к житию рассказывается, откуда автор его получил сведения о болгарском мученике Георгии Новом: «В царство благочестиваго и христолюбиваго великаго князя Иоана Василиевича, самодръжца всея Великия Русии» в Новгород к архиепископу Макарию «приидоша... от святыхъ горы Афона, от монастыре святого великомученика христова Георгия, иже от Каппадокиа, глаголемаго Протатиа, два мниха:

* Перевод с болгарского Г. И. Сафронова. (Ред.).

¹ Это обстоятельство отмечал и Д. С. Лихачев в своем докладе на IV Международном съезде славистов «Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России» (М., 1958, стр. 3—4).

² А. И. Яцимирский. Из истории славянской проповеди в Молдавии. — ИДПИ. т. CLXIII. СПб., 1906 (далее: Яцимирский), стр. LXXIV—LXXVIII, 97—109.

³ Там же, стр. 109.

един презвитер саномъ, именованъ же Митрофанъ, и другии Прохоръ». Они рассказали о мученичестве и смерти Георгия Нового в Софии как об одном из эпизодов бесконечных страданий порабощенного христианского населения Балканского полуострова: «Они же многа сказахъ безбожныхъ оныхъ сквърныхъ срацинь насилия и гонения на християны и поведаша о подвизе и мучении Георгия Новаго».⁴

Существует, как известно, и болгарское житие Георгия Нового, написанное софийским священником Пейо, в доме которого в Софии жил Георгий. Пейо был очень близок к Георгию и был свидетелем преследований, которым подвергался Георгий в Софии, суда над Георгием и казни. Болгарское житие известно в нескольких списках, самый древний из которых относится к 1677 г.⁵ А. И. Яцимирский отмечает, что автор русского жития (Илья) не знал жития, написанного попом Пейо. Образцом для Ильи в его литературной работе, как считает А. И. Яцимирский, служило житие Иоанна Нового Белградского, написанное Григорием Цамблаком. В подтверждение своей точки зрения А. И. Яцимирский приводит ряд параллелей между этими житиями.⁶ Не следует, однако, считать завершенным исследование вопроса о взаимоотношениях русского жития Георгия Нового, написанного Ильей, с болгарскими литературными памятниками, посвященными софийскому мученику, тем более, что это касается одного из интереснейших периодов развития древней болгарской литературы.

В XVI в., во время турецкого владычества, София стала центром оживленной литературной деятельности, здесь сформировались и работали несколько замечательных писателей, самыми значительными из которых безусловно были поп Пейо и Матвей Грамматик. Создававшиеся произведения во многих отношениях были связаны с литературной традицией Тырновской школы патриарха Евфимия. Однако этим не исчерпывается их характеристика. В это время наблюдаются известные тенденции демократизации литературы, ее приближения к жизни, к актуальным вопросам современной действительности. Судьба народа, насилия, чинимые турецкими поработителями, тревога за настоящее и будущее начинают все больше привлекать внимание писателей. И действительно, самые значительные произведения софийских писателей XVI в. вызваны конкретными событиями, происходившими в Софии, и посвящены чрезвычайно важному вопросу — попыткам турок омусульманить болгарское христианское население города. В то время и в той политической обстановке утрата веры была равносильна потере народности. Произведения софийских писателей как раз свидетельствуют о нескольких таких попытках, предпринятых турками в XVI в. Поп Пейо рассказывает о судьбе юноши Георгия, родом из Кратово, вынужденного из-за преследований турок покинуть родные места и поселиться в Софии. Однако и здесь турки пытались привлечь его на свою сторону и омусульманить. Он устоял против домогательства турок, за что был отдан под суд и сожжен на костре в 1515 г. Матвей Грамматик описывает судьбу софийского жителя Николы Нового,

⁴ Там же, стр. 99—100.

⁵ Текст жития по этому списку опубликован Ст. Новаковичем (Служба и живот светого зурна Кратовца. — Гласник Српског ученог друштва, XXI. Београд, 1867, стр. 97—156); два позднейших списка опубликованы А. Гильфердингом (Болгарское житие Георгия Нового Софийскаго. — ЛЗАК, 1862—1863, вып. второй. СПб., 1864, стр. 1—24); П. Динековым (Софийски книжовници през XVI век. 1. Поп Пейо. София, 1939, стр. 57—76).

⁶ А. И. Яцимирский. Григорий Цамблук. Очерк его жизни, административной и книжной деятельности. СПб., 1904, стр. 457—461.

которого также за отказ принять мусульманскую веру турки осудили и убили камнями в 1555 г. Он рассказывает и о третьем мученике того периода, повешенного турками в Софии, Георгии Новейшем. В связи с судьбой этих трех болгар, преследовавшихся и убитых турками, и возникло несколько литературных произведений: житие Георгия Нового и служба ему, житие Николы Нового, общая похвала софийским мученикам, краткое житие Георгия Нового. Матвей Грамматик сообщает о существовании в Софии книжников, которые занялись созданием похвальных канонов и песен сразу же после смерти Николы Нового: «в славословие божие и в похвалу светаго тропарей състав'льше въ тѣи час и [и]ние похвалние канони же и песней и еже о мучени подобну светаго похвалами повесть украшаютъ». Интересно сообщение, что в это время в Софии были синайские и иерусалимские монахи, которые сочинили похвальные каноны мученику.⁷ С полным основанием можно предполагать, что во время мученичества Георгия Нового и Николы Нового в Софии могли быть афонские монахи, так как известны очень тесные связи софийцев с афонскими монастырями и особенно с Зографским монастырем. Так, в поддельной Каллимановой грамоте отмечается, что Зографский монастырь получал доходы в Софийской церкви св. Георгия и св. Николая, с 20 лавок с базара по продаже скота и с окрестных сел Горни Лозен и Долни Лозен. О доходах заботились специальные монастырские настоятели «кирь Вльчо и кирь Стоян».⁸ Следовательно, вполне можно принять как очень вероятное сообщение Ильи в псковском житии Георгия Нового, что афонские монахи Митрофан и Прохор находились в Софии во время смерти софийского мученика и суда над ним.

Исследуя источники псковского жития, А. И. Яцимирский обращает внимание на житие Иоанна Нового Белградского, написанное Григорием Цамблаком. Сделанные им сопоставления вполне убедительны и говорят о влиянии произведений Цамблака на русскую житийную литературу в XVI в. Воздействие Цамблака проявляется в жанрово-стилистическом оформлении произведения Ильи, что же касается содержания по существу изложенных обстоятельств жизни Григория Нового, источники нужно искать в другом месте. В житии они указаны прямо — это рассказ Митрофана и Прохора новгородскому архиепископу Макарию.

Насколько же достоверен был этот рассказ? Илья написал житие Георгия Нового в 1539 г. по распоряжению архиепископа Макария, по-видимому, вскоре после посещения Митрофана и Прохора. С момента самого события (смерть Георгия Нового) к этому времени прошло уже 24 года. Софийское житие было написано непосредственным свидетелем и участником события, разыгравшегося в Софии в 1515 г., попом Пейо вскоре после смерти Георгия. Таким образом, у нас есть все основания считать, что у Пейо эти события изложены гораздо ближе к действительности. Если сравнить оба произведения, то псковское житие, написанное Ильей, значительно отличается от рассказов попа Пейо о жизни, страданиях и смерти Георгия Нового.

У Ильи о Георгии сказано, что он родился в Софии, родители названы именами Иоанна и Марии. Описание рождения и детства святого является чисто агиографическим моментом: «Средець град блъгарский сего изнесе мужа, от благочестиву и христиану родителю, отца именем Иоанна, и матери Мариа». До глубокой старости родители Георгия были бездетны. После долгих молитв и многочисленных даров софийской церкви святого

⁷ П. Сырку. Очерки из истории литературных сношений сербов и болгар в XIV—XVII веках. СПб., 1901, стр. 137.

⁸ И. Иванов. Български старини из Македония. София, 1931, стр. 606—607.

Георгия бог даровал «им плод чрева — мужеский пол. Его же с радостию принесоша в церковь свягата великомученика христова Георгия и от презвитера крещень бысть и наречен бысть в свягом крещении Георгие». «По времени» родители отдали сына в учение, дабы ему «навыкнути божественому писаниу».⁹ Совсем иначе описывается детство Георгия Нового у попа Пейо. Будущий мученик родился в городе Кратово, отца его звали Димитр, а мать — Сара. Когда ребенку исполнилось шесть лет, родители отдали его учить «священные книги», но вскоре отправили овладевать ремеслом ювелира. Это сообщение жизненно убедительно, если учесть развитие ювелирного мастерства в городе Кратово и в Софии в то время. Профессия ювелира играла значительную роль в его дальнейшей судьбе и особенно во время суда над ним.

Уход из Кратова поп Пейо объясняет преследованиями со стороны турецких властей, которым подвергался юноша. Турки обратили внимание на необыкновенную красоту Георгия и хотели его потуречить: «да некако къ царю исмаилтескому Беязить бегу и нуждею введеен будетъ во дворъ его». По-видимому, это намек на увод христианских детей в янычарский корпус. В псковском житии дано чрезвычайно интересное описание увода христианских детей в янычары. В нем описаны насилия турок, изображена трагедия христианского населения в турецком государстве. Вообще русское житие в целом задумано как разоблачение турецких насилий, и на их фоне раскрывается участь Георгия Нового как еще один факт, доказывающий жестокую истребительную антихристианскую политику турецких поработителей.

Дальнейшие эпизоды жизни Георгия Нового в русском житии изложены коротко и сжато. После смерти родителей 25-летний Георгий был замечен турками, обратившими внимание на его красоту. Турки пытались лаской потуречить его, но Георгий отверг эти попытки, защищал христианскую религию, за что был подвергнут жестоким истязаниям. В житии кратко передано отношение турецких властей и толпы к юноше. В житий, написанном попом Пейо, напротив, мы находим пространное повествование с чрезвычайно интересными подробностями, представляющими картину жизни Софии, воссоздающими всю обстановку, в которой проходил суд над Георгием, а также раскрывающими психологию главного героя.

Есть различия и в описании смерти и погребения Георгия. По русскому житию, мученик был сожжен на большом костре посреди города. Обессиленный от жестоких истязаний, он перед казнью «изнеможе и паде на землю безгласен, тъкмо устне движа, тайныя молитвы к богу възсылаше». Его бросили в огонь «ельма жива суща и мало дышуща». Вслед за ним турки «въврѣгоша пес множество в огонь на мощи свягата, яко бы размешеномь костемь быти и не познати мощей свягата». Тогда произошло чудо: «...вънезапу с небесе облак бысть с дождемь и громь страшень, и погаси огонь».¹⁰ Дождь лил целый день и всю ночь. Перепуганные турки разбежались, а над мощами появилось сияние. Очень подробно описано само погребение. Оно проходило при большом стечении софийского населения, при участии митрополита Иеремии и всего духовенства в церкви св. Георгия 26 мая 1514 г.

Описание этих же событий у попа Пейо гораздо пространнее и в ряде случаев отличается. Вот один из самых драматических эпизодов в софийском житии. Толпа турок приводит связанного Георгия на площадь у церкви св. Софии. Перед костром агаряне пытаются еще раз заставить юношу отречься от своей веры, на что он смело им отвечает: «Рех вамь и

⁹ Я н и м и р с к и й, стр. 102.

¹⁰ Там же, стр. 107.

единою и дважды, ако азъ вери моеи не отвергу се николиже аще тмами муки нанесете ми». Брошенный в огонь Георгий продолжал защищать свою веру, пока его не убили ударом полена по голове. После этого внезапно полил дождь. Чрезвычайно интересные подробности, связанные с похищением ночью тела Георгия. Наставник его поп Пейо в этих эпизодах играет главную роль. Георгий был торжественно погребен, но дата здесь указывается другая — 11 февраля; погребение совершилось в церкви св. Марина, имя митрополита тоже другое — Панкратий.

Причина разницы в изложении событий в двух житиях — в различных источниках, которыми пользовались их авторы: поп Пейо черпал свои сведения из личных наблюдений; русский же автор не был очевидцем событий и передает жизнь софийского мученика Георгия на основании рассказа афонских монахов Митрофана и Прохора. Хотя, что уже отмечалось выше, есть основания полагать, что Митрофан и Прохор находились в Софии во время суда над Георгием и были свидетелями его казни, тем не менее они многое могли знать лишь по наслышке, в то время как поп Пейо был непосредственно связан с Георгием.

Различия в житиях, сочиненных попом Пейо и монахом Ильей, произошли и от того, что русское житие написано в 1539 г., т. е. через 24 года после происшедшего события, и многие подробности могли быть забыты или возникли в памяти Митрофана и Прохора в измененном виде. Несомненно, что они перепутали (из-за совпадения имен) некоторые моменты из жизни Георгия Нового с подобной же судьбой третьего софийского мученика XVI в. Георгия Новейшего. Он погиб между 1515 и 1555 г., и сведения о нем сообщает Матвей Грамматик. Он пишет, что Георгий Новейший родился в Софии, также отверг уговоры турок перейти в магометанскую веру, за что был посажен в тюрьму, подвергнут пыткам и повешен на дереве. Матвей Грамматик приводит интересные подробности смерти и погребения Георгия Новейшего.¹¹ Отдельного жития Георгия Новейшего до нас не дошло. Но Матвей Грамматик хотел отметить имя третьего софийского мученика и поэтому посвятил ему довольно большой пассаж в житии Николы Нового и ввел его имя в общую похвалу софийским мученикам. Сведения свои Матвей Грамматик черпал, по-видимому, из устных рассказов и преданий.

Однако, несмотря на все указанные различия, в болгарском и русском житиях Георгия Нового есть общие или близкие моменты. Прежде всего в обоих житиях указаны одни и те же причины трагической участи и гибели софийского мученика — агрессивность турок-магометан. Общим является и непосредственный повод к склонению болгарского парня в магометанскую веру — его физическая красота. Основные факты рассказа о суде и смерти мученика также являются общими. Интересны в обоих житиях и факты, связанные со священником-наставником. В болгарском житии священник, а им является сам поп Пейо, повсюду сопровождает юношу. Он принимает деятельное участие в судьбе Георгия: и во время пребывания узника в тюрьме, на суде и тогда, когда осужденного юношу вели на костер. После смерти он организует похищение тела. В русском житии священник является сразу после смерти Георгия Нового, чтобы взять его мощи и похоронить их: «Протопоп же съборныя цркъве святаго великомученика Георгиа Победоносца и славнаго мученика, иже от Каппадокиа шед к судиамъ даст мъзду испроси святаго мощи. В славном же граде Средце тогда крѣмила црковнаа правешу святейшому митрополиту

¹¹ П. А. Сырку. Очерки из истории литературных сношений сербов и болгар в XIV—XVII веках, стр. 40—43.

кир Иеремии, и пришед протопоп, сказа вься по дробну святейшому митрополиту Иеремии, яже о святем мученице».¹²

Оставим в стороне разыскания общности отдельных обстоятельств и выражений: эти случаи указывают скорее не на взаимозависимость двух житий, а на общие агиографические места, агиографические шаблоны, присутствующие обоим произведениям. Более важное значение имеет антитурецкая тенденция, характерная и для русского жития, и для болгарского. Это дает нам основание считать, что афонские монахи Митрофан и Прохор, по-видимому, были знакомы с житием, написанным попом Пейю, а через их рассказ оно в известной мере послужило косвенным источником для псковского монаха Ильи. Они могли прочитать житие, написанное попом Пейю, во время своего пребывания в Софии, но вероятнее всего это произошло на Святой Горе. В. Григорович сообщает, что видел в Хиландарском монастыре рукопись с житием Георгия Нового.¹³ Архимандрит Леонид также упоминает о сборнике XVII в. в Хиландаре, в котором находилась служба в честь Георгия Нового «иже въ Сардакии».¹⁴

Задача в данном случае не в том, чтобы указать на возможное влияние болгарского произведения на произведение русской литературы XVI в. Мы хотим лишь обратить внимание еще на один факт близких отношений между болгарской и русской литературами после XIV в. Заслуживает внимания то обстоятельство, что одна из важных тем болгарской литературы времени турецкого владычества — насилия турок и сопротивление болгарского народа постоянным попыткам омусульманить его — нашла отражение и в произведениях русских писателей. При разработке этой темы болгарские писатели, исходя из традиций школы Евфимия, вносили в этот жанр некоторые новые элементы, приближали литературу к жизни народа. Еще А. И. Яцимирский, проводя параллель между русским житием Георгия Нового, написанным псковским монахом Ильей, и житием Иоанна Нового Белградского, написанным Григорием Цамблаком, показал, что оба автора пишут в традициях Евфимия. Примечательно и то обстоятельство, что монах Илья пользовался тырновским правописанием.

Особого внимания в русском житии заслуживает очень подробное описание насилий турок, которые забирали в янычарский корпус христианских детей. Это описание имеет историческое значение и часто использовалось болгарскими историками. Его наличие в русском произведении свидетельствует об интересе, который проявляла русская общественность уже в XVI в. к судьбе болгарского народа, томившегося под турецким игом. Примечательно и то, что рассказ о трагической судьбе Георгия Нового, по существу, пользовался на Руси не меньшей, если даже не большей, популярностью, чем в самой Болгарии: русское житие Георгия Нового известно более чем в 15 списках, количество же списков болгарского жития, написанного попом Пейю, очень невелико.

Об интересе в Георгию Новому Софийскому в древнерусской литературе и об очень тесных русско-болгарских литературных связях в XVI в. говорит еще один любопытный факт — существование русской службы софийскому мученику, написанной русским книжником Василием.¹⁵ Текст русской службы не совпадает с известной болгарской службой Георгию

¹² Яцимирский, стр. 108.

¹³ В. Григорович. Очерк путешествия по Европейской Турции. М., 1877, стр. 30. Об этой рукописи см.: Sava Chilandarec. Rukopisy a starotiski chilendarsé. Praha, 1896, стр. 71, № 327.

¹⁴ Гласник, XLIV, стр. 279.

¹⁵ См.: Б. Ст. Ангелов. Стари славянски текстове. — Известия на Института за българска литература, VIII. София, 1959, стр. 247—286 (текст Службы по рукописи ГБЛ, № 397).

Новому Софийскому (известно 5 списков ее¹⁶), следовательно, русская служба является самостоятельным произведением. Вопрос о происхождении русской службы, о ее отношении к болгарской службе и к текстам житий Георгия Нового Софийского, написанным попом Пейо и Ильей, представляет большой интерес и заслуживает специального исследования. Мы предполагаем вернуться к этому вопросу, когда будем иметь некоторые дополнительные сведения о русском книжнике Василии. Сейчас же лишь отметим, что автор русской службы, вероятно, знал болгарские книжные источники, потому что особенно сильно подчеркивает болгарское происхождение мученика и говорит с большой симпатией о Софии и о софийцах.

II

Другим интересным фактом из истории русско-болгарских литературных отношений рассматриваемого нами периода является известное русское произведение «Повесть о взятии Царьграда». Это сочинение широко изучалось в русской науке.¹⁷ Среди многочисленных проблем, поставленных в новых советских исследованиях, самые большие споры вызывает вопрос о датировке повести: одни утверждают, что повесть написана в конце XV в. (М. О. Скрипиаль, С. Н. Азбелев), другие относят к началу XVI в. (М. Н. Сперанский).

О болгарском переводе повести особый интерес представляет исследование М. Н. Сперанского «Повесть о взятии Царьграда турками» в «Скифской истории» А. Лызлова.¹⁸ М. Н. Сперанский устанавливает, что болгарский перевод повести восходит к печатному московскому изданию 1713 г., в котором в свою очередь текст «Повести о взятии Царьграда» заимствован из «Скифской истории» Андрея Лызлова» (1692 г.). Таким образом, М. Н. Сперанский исправляет господствующий в болгарской науке взгляд, что болгарский перевод относится к более раннему времени и сделан по так называемой Хронографической повести.

Первый болгарский исследователь и издатель повести Л. Милетич указал три рукописи болгарского перевода: 1) отдельная рукопись, названная Штипской по месту находки ее в городе Штипе; хранится в библиотеке университета в Софии; заглавие: «История о пленения славнаго Царьграда, иже Константинъ градъ и Новый Рим нарицается, его же плени Мохаметь второй, осмий султанъ турцкий в лето от Христа 1453»; Л. Милетич издал этот текст в своем исследовании; 2) текст в «Дамаскине» второй половины XVIII в. (бывший собственностью Ив. Кефсизова, учителя в Варне); 3) текст в «Дамаскине» из Восточной Болгарии, начала XIX в. О нем сообщает П. Иванов в журнале «Искра» (Шумен, 1892, т. IV, кв. 4—8), опубликовав там и самую повесть по этому списку. Рукопись эта в настоящее время находится в Народной библиотеке имени В. Коларова в Софии (№ 335).

¹⁶ См.: П. Динек ов. Софийски книжовници през XVI в., стр. 110.

¹⁷ Отметим самые последние работы: Н. А. Смирнов. Историческое значение русской повести Нестора Искандера о взятии турками Константинополя в 1453 г. — Византийский временник, т. VII. М., 1953, стр. 50—71; М. Н. Сперанский. Повести и сказания о взятии Царьграда турками (1453) в русской письменности XVI—XVII веков. — ТОДРА, т. X. М.—Л., 1954, стр. 136—165; т. XII. М.—Л., 1956, стр. 188—225; О. М. Скрипиаль. «История» о взятии Царьграда турками Нестора Искандера. — ТОДРА, т. X. М.—Л., 1954, стр. 166—184; С. Н. Азбелев. К датировке русской повести о взятии Царьграда турками. — ТОДРА, т. XVII, М.—Л., 1961, стр. 334—337.

¹⁸ М. Н. Сперанский. Из истории русско-славянских литературных связей. М., 1960 (далее: Сперанский), стр. 211—223.

Сравнивая три текста, Л. Милетич не нашел между ними существенной разницы и сделал вывод: «По-видимому, все три текста восходят к одному первоисточнику, и небольшие стилистические и языковые различия, так же как и некоторые пропущенные места и дополнительные фразы, обязаны своим переписчикам».¹⁹ Милетич издал Штипский текст. Не зная русского издания 1713 г., он сравнил его с изданием Леонида²⁰ и пришел к заключению, что болгарский текст является свободным переводом русской Хронографической повести. Возникновение болгарского перевода «Повести о взятии Царьграда» в истории болгарской литературы объясняют, между прочим, огромным интересом, который вызывало у поработанных балканских народов занятие турками Царьграда. Это им говорило об иллюзорности их надежд на скорое уничтожение мощи турецких завоевателей, а с другой стороны, увеличивалась их ненависть к поработителям. Считается, что повесть усиливала антитурецкие тенденции, появившиеся в болгарской литературе в XV и XVI вв.²¹ Взгляд этот, однако, следует в наше время пересмотреть; надо искать новое освещение роли, которую повесть играла в жизни болгарского народа и в развитии болгарской литературы. Мы не знаем, ограничивалось ли распространение повести только тремя известными списками и можно ли предполагать более раннее проникновение ее до печатного издания 1713 г. Но в настоящее время мы должны оперировать известными и установленными фактами и на их основе делать выводы.

Болгарский перевод повести распространился в XVIII и в начале XIX в. в отдельной рукописи как самостоятельное произведение и в двух «Дамаскинах», где он был помещен среди других произведений. Очевидно, что главной причиной перевода повести уже не мог быть интерес к захвату турками Царьграда. Хотя падение Царьграда и было событием огромного исторического значения, оно утратило свою актуальность, сгладилось в народной памяти, так как прошло уже два века. Интерес к этому произведению следует искать преимущественно в очень ясно выраженных антитурецких настроениях в повести. В XVIII в. турецкая империя явно клонилась к упадку, в недрах турецкого феодализма возникали новые общественно-экономические отношения; в ту же эпоху закладывались основы болгарского национального возрождения. Повесть возбуждала ненависть к поработителям, будила патриотические чувства у читателей. Правда, автор повести отмечает решительность и целеустремленность турок, но он описывает, какие громадные жертвы понесли турки, называет Мохамеда «звероподобным», «этим хитрым волком», молитвы турок — «погаными», турецкое войско уподобляет «диким зверям» и т. д. В описании есть много драматических эпизодов, воспроизводится ряд трагических сцен, изображены многочисленные упорные сражения, особенно подчеркивается упорство защитников и их твердое стремление любой ценой отбить турецкое нападение. Симпатии автора явно на стороне греков. Греческого императора Константина он изображает как смелого борца и опытного военачальника, который все время обходит город, лично участвует в сражениях и проявляет замечательную храбрость, отказывается покинуть поле битвы и искать спасения. Вот одна из сцен, которая не могла без волнения восприниматься болгарскими читателями: «Достигна царят сас

¹⁹ Л. Милетич. Повест за падането на Царьград в 1453 г. — Сборник за народни умотворения, XII. София, 1895, стр. 403.

²⁰ Архив. Леонид. Повесть о Царьграде (его основании и взятии турками в 1453 году) Нестора Искандера XV века. — ПДП. СПб., 1886.

²¹ См.: П. Диневков. Стара българска литература, т. II. София, 1935, стр. 138—141.

избраните свои и нападна на турците; токмо един меч имаши ф руката си и сечеши турците многу. И страшно беши да гледа човек самаго благочестиваго царя сас каирят, юнашески нападваше на турците и сечеши душманити си, кого как стигнаши, ударяши го и присачеши го на два дела, а друзи от главъта дори до конският горб разсачеши. И тъй многу на смерт придаваши, а турците единодушно собираха са и фпускаха са на срещо того и сякакво оружие мятаха на него, и стряли и пушки безчет пуцаше на него. Ала каквоту са дума, на джешк навиваний и царско падение без божие промисал не бива; сичкоту тяхно оружие и стряли и пушки напраздно падаха, мимо того летеха и не закачаха царя того. И тъй турците из царският гнев и бой и юнашество и срещо тоговите боляри не можиха да стоят ами побягнаха камто разваленуту място, натестиха се многу и многу избиха гредите от тях в косурят през хиндекат пропъдиха от градат. На утри градският везир Николае повеле на гражданите да изфърляг вон из гръдат избитите турци, зарад дано са уплашат душманите. И намериха се избити турци шестнадесат хиляди».²²

Воздействие этого описания было тем более сильным, что написано было на новоболгарском языке, оно непосредственно доходило до разума читателей. Включение «Повести о взятии Царьграда» в «Дамаскины» обеспечивало более широкое ее распространение и увеличивало популярность. Первым, кто отметил важность включения повести в «Дамаскины», был Л. Милетич, но он интересовался главным образом языковой стороной. Более детально остановился на этом вопросе Б. Пенев, указавший не только на патриотическое воздействие повести на болгарского читателя XVIII в., но поставивший и другой интересный вопрос, а именно о художественных элементах, утверждавших новое эстетическое сознание, формиовавших новый художественный вкус. Б. Пенев отмечает, что повесть представляет собой своеобразную историко-героическую поэму.²³

Однако до сих пор никто не отметил другое важное обстоятельство. «Повесть о взятии Царьграда» для читателей XVIII в. была сочинением историческим. Она возвращала его к прошлому, приковывала внимание к большим историческим событиям. Хотя болгарская история и не изображалась в повести непосредственно, в ней воскрешались события, с нею связанные и близкие болгарскому сознанию. А это обстоятельство направляет наше внимание к тем явлениям болгарской литературы XVIII в., которые подготовили новый период ее развития. Все чаще проникают в «Дамаскины» размышления о прошлом; во второй половине XVIII в. появляются труды с историческим содержанием: «Стематография» Хр. Жефаровича (1741), «История славеноболгарская» Паисия Хилендарского (1762), Збграфская история, «История во кратце о болгарском народе славенском» иеромонаха Спиридона (1792). Очень близко примыкает к ним и «Повесть о взятии Царьграда». Переведенная с русского языка, она была одним из источников, из которого болгары черпали сведения о своем прошлом. Повесть сыграла известную роль в пробуждении национального сознания. Очень важно, что болгарские писатели, уделяя внимание прошлому родной страны, обращались к русской литературе: неизвестный писатель переводит «Повесть о взятии Царьграда», а Паисий и Спиридон черпают материал из двух исторических сочинений, известных им по русским переводам — «Книга историография» Мавро Орбини (1722) и «Деяния церковная и гражданская» Цезаря Барония (1719).

²² Л. Милетич. Повест за падането на Царьград в 1453 г., стр. 439

²³ Б. Пенев. История на новата българска литература, т. II София, 1932, стр. 52—64, 133—134, 136—139, 168—169 и др.

Болгарский перевод «Повести о взятии Царьграда» вошел в литературную традицию, особенно усилившуюся в болгарской литературе в последние века турецкого рабства, — летописные записи и рассказы, которые чаще всего писались очевидцами исторических событий. Повесть воспринималась как своеобразная летопись, как рассказ свидетеля событий. Одним из замечательнейших произведений болгарской летописной традиции является рассказ попа Методия Драгинова XVII в. об обращении в турецкую веру болгар в родопской области Чепино (впервые опубликован Ст. Захариевым в 1870 г.). Это замечательный документ эпохи, редкое по своей выразительной силе произведение, в котором изображен трагический момент из истории болгарского народа. К этому роду литературы относятся и летописные записи попа Петра из с. Мирково (XVII в.), попа Йовчо, даскала Тодора Пирдопского (начало XIX в.) и др. В «Дамаскины» и в сборники со смешанным содержанием все чаще включаются тексты исторического содержания, например в сборнике попа Пунчо 1796 г. — «Повесть ради царя Ясена старого», «Повесть ради московскаго царя Петра, що го нарицают москале Гуро»,²⁴ в сборнике Никифора и Йеротея начала XIX в. — «Повествование за страдание Болгарий от агарянов»²⁵ и др. С этой же летописной традицией в известной мере связаны «История славеноболгарская» Паисия Хилендарского и автобиография Софрония Врачанского «Житие и страдание грешнаго Софрония».

III

В русско-болгарских литературных отношениях XVIII в. интересен эпизод воздействия русского писателя архимандрита Паисия Величковского на болгарина иеросхимонаха Спиридона, автора упомянутой «Истории во кратце о болгарском народе славенском». Первым обратил на это внимание В. К. Златарский во введении к изданию истории Спиридона (София, 1900). Вполне убедительно он установил связи между Паисием Величковским и Спиридоном. Златарский исходит прежде всего из приписки в конце истории Спиридона: «Сей летопис сочини ся и списа ся в лето 7300 (1792) в земли Молдовлайской, в монастыре Немца». Златарский вспоминает также и то обстоятельство, что вместе с житием Паисия Величковского (Житие молдавского старца Паисия Величковского. М., 1845) изданы и два послания, в которых упоминается имя Спиридона: «Писание сие послано со отцем Гаврилом и Спиридоном» и «Послание со отцем Спиридоном». Следовательно, Спиридон, болгарин из Габрова, был одним из тех славянских монахов, которые в 1763 г. вместе с Паисием Величковским прибыли из Афона в Румынию и вместе с ним обосновались первоначально в монастыре Драгомирна в Молдавии. Когда же после заключения Кучук-Кайнаджирского мира вся Буковина вместе с монастырем перешла под власть Австрии, Паисий Величковский с учениками в 1775 г. поселился в монастыре Секул, а через четыре года — в Нямецком монастыре. Златарский анализирует «Историю» Спиридона и находит, что в ней использован ряд источников, находившихся в светогорских монастырских библиотеках. Он отмечает и другое соображение: идея об историческом труде Спиридона не могла возникнуть в молдавских монастырях, а возникла только в той среде, которая поддерживала тесные связи с болгарским населением и где было живо болгарское народное сознание и существовал интерес к болгарскому прошлому. Таким местом могла быть

²⁴ Б. Цонев. Опис на ръкописите и старопечатните книги на Народната библиотека в София, т. 1. София, 1910, № 693.

²⁵ Там же, № 350.

Святая гора, где как раз появились два исторических труда — «История славеноболгарская» и Зографская история, написанные предшественниками Спиридона.

В подтверждение тезиса В. Н. Златарского о связях между Паисием Величковским и Спиридоном можно привести и еще некоторые доказательства. В библиотеке Румынской Академии наук в Бухаресте хранится рукопись «Преподобнаго отца нашего Макариа египетского, беседы духовны зело многия ползы исполненны о должном тшцимом христианом совершенстве», которая происходит из библиотеки Паисия Величковского из Нямецкого монастыря. На л. 179 читаем: «Писал Софроний и Спиридон 1780».²⁶ Есть основания считать, что это относится к болгарину Спиридону. В рукописном собрании Румынской Академии наук находится и один памятник XVIII в. из Нямецкого монастыря, происходящий также из библиотеки Паисия Величковского.²⁷ В нем дважды среди иеромонахов отмечено имя Спиридона — на лл. 3^a и 26⁶. В описании рукописной библиотеки Паисия Величковского и его учеников, сделанном А. И. Яцимирским, отмечена еще одна рукопись, в которой встречается имя Спиридона: поучения 1781 г., переписанные Спиридоном и Михаилом.²⁸ Есть все основания предполагать, что в этих случаях пометки касаются болгарина Спиридона. Правда, в то же время в Нямцу и окрестных монастырях появился сербский монах с таким же именем, но он был значительно моложе болгарского Спиридона и подписывался Спиридон Ивкович.

Болгарин Спиридон жил в Нямцу самое малое до смерти Паисия Величковского в 1794 г.; он находился со своим учителем до последних его дней. Паисий Величковский оказывал сильное воздействие на своих учеников. Благодаря автобиографическим запискам, им оставленным, главные моменты его жизни хорошо известны: он родился в 1722 г. в Полтаве, учился в Киеве, рано стал монахом, обошел ряд монастырей на Украине и в Молдавии; в 1746 г. ушел на Афон, где жил до 1763 г. Вокруг него собирается значительное количество славянских и румынских учеников. Здесь, по-видимому, присоединился и болгарский монах Спиридон из Габрова. После возвращения в Молдавию Паисий Величковский продолжает свою деятельность как игумен Нямецкого монастыря.²⁹

В данном случае нас не интересуют мистические и аскетические идеи Паисия и воздействие, оказываемое им на своих учеников. Для нас важнее другая сторона его деятельности — его стремление возродить славянские литературные традиции в молдавских монастырях; он проявил необыкновенную энергию в литературной работе, писал, переводил, собирал большую библиотеку, направлял своих учеников к писательской, переводческой деятельности, а также переписыванию рукописей. Как раз в этом направлении проявилось и его влияние на болгарина Спиридона: он пробудил у него интерес к литературной работе. Хотя Спиридон переписывал книги по указанию своего учителя, говорить о конкретном идейно-литературном сотрудничестве нельзя, ибо труд, благодаря которому болгарский монах оставил свое имя в истории болгарской литературы, далек от религиозно-монашеского аскетизма Паисия Величковского. Спиридон написал сочинение с актуальной проблематикой, обратил внимание к историческому прошлому своего народа, что явилось откликом на требование эпохи про-

²⁶ P. P. Panaitescu. Manuscrisile slave Biblioteca Academiei RPR, vol. I. București, 1959, стр. 250, № 166.

²⁷ Там же, стр. 252, № 168.

²⁸ А. И. Яцимирский. Славянские и русские рукописи румынских библиотек. СПб., 1906, стр. 586, № 143.

²⁹ Там же, стр. 513—583.

буждения и укрепления национального сознания болгарского народа. Своим трудом он продолжал дело основоположника новой болгарской литературы Паисия Хилендарского.

Во всяком случае обстановка, созданная Паисием Величковским в Нямецком монастыре, вполне благоприятствовала работе Спиридона. Имело значение и то обстоятельство, что монастырь был уже связан с болгарской культурной традицией.

Согласно преданию, монастырь был основан в 1392 г., накануне падения Болгарии под турецкое иго, тремя болгарскими монахами — Софронием, Пименом и Силуяном; здесь же в начале XV в. работал и Григорий Цамблак. Спиридон был не только орудием в литературных занятиях своим учителем, но и в богатой монастырской библиотеке он нашел большое количество источников для своей работы. Это отразилось на его сочинении: по богатству сведений, по обилию использованного материала, по полноте изложения истории его книга значительно превосходит «Историю славеноболгарскую» Паисия Хилендарского. Здесь Спиридон нашел много источников и на русском языке: русский перевод двух известных исторических сочинений Мавро Орбини и Цезаря Барония, «Летопись» Дмитрия Ростовского, «Синописис печерский» и др.³⁰ Он использовал, вероятно, при описании взятия турками византийской столицы «Повесть о взятии Царьграда».

Популярность Паисия Величковского вышла за пределы Афона и Молдавии и достигла Болгарии. Его сочинения проникали в болгарские культурные центры, особенно в Рыльский монастырь. В библиотеке монастыря находится несколько рукописей, связанных с именем Паисия Величковского:

- 1) Исак Сирий — книга, переведенная Паисием Величковским и переписанная его учеником Антонием [Е. Спространов. Опис на ръкописите в библиотеката при Рилския манастир. София, 1902, стр. 72, № 3 (20)];
- 2) Беседы преподобного Макария — перевод Паисия Величковского, список монаха Николая 1776 г. [Е. Спространов, там же, стр. 79, № 4 (1)];
- 3) Переписка с братством Поляновороцкого монастыря 1793 г. [Е. Спространов, там же, стр. 121, № 4 (20)].

В Рыльском монастыре сохранились два списка надгробного стихотворения Паисию Величковскому, сочиненного иеросхимонахом Иоанном Дяковским [см.: Е. Спространов, там же, стр. 76, № 3/2; стр. 77, № 3 (30)]. Текст стихотворения совпадает с текстом, опубликованным в «Чтениях в императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете» (1899, кн. 2, стр. 12—14). Список надгробного стихотворения находится и в сборнике XVIII в. в Народной библиотеке им. В. Коларова в Софии (№ 347). Интересно, что и этот список прежде находился в Рыльском монастыре: на сборнике имеется приписка — «И сия книжка Евгения иер. Рыльского постриженца, 1811, май 8».

В свете изложенных фактов еще более возрастает место Паисия Величковского в развитии болгарской литературы, особенно в литературной деятельности иеросхимонаха Спиридона. Это один из последних эпизодов русско-болгарских литературных отношений в XVIII в. Заканчивается один этап этих отношений, а в XIX в. начнется новый, блестящий период, когда великая русская литература сыграет первостепенную роль в создании новой болгарской литературы.

³⁰ Анализ источников, использованных Спиридоном, см. в кн.: В. И. Златарский. История во кратце о болгарском народе словенском. София, 1900.